

Наташа, какой я её знала и любила

Ирма Филиппова (р. 1940), художница, многолетняя подруга и ближайшая помощница Натальи Касаткиной.

До «деревенского периода» их судьбы пересеклись ещё в Москве — сначала на телевидении, а потом во время работы в Заочном народном университете искусств.

Практически всё наследие Н. Касаткиной, художественное и литературное, сохранилось благодаря заботе И. Филипповой.

В качестве завершающего текста настоящего издания публикуем написанные к выходу этой книги воспоминания Ирмы Викторовны о подруге. Они дают нам возможность представить последние годы Натальи Касаткиной.

Три мечты, три самых сильных желания были у Наташи. С детства она хотела стать художником, поселиться в деревне и чтоб в доме было много-много книг. А в последние годы жизни появилась ещё и мечта издать свои рассказы.

Мы познакомились в 1969 году на телевидении — когда она уже стала художником: работала на телевидении, в театре, цирке, была членом МОСХа, — где мы обе работали художниками. Она почти вбежала в комнату: порывистые движения, очень живые чёрные глаза под густой чёлкой, быстрая речь. Недолго с кем-то поговорила и скоро ушла — в студии шла съёмка её передачи. Было в облике Наташи какое-то особое обаяние. Хотелось узнать, кто это. Могла ли я тогда подумать, что жизнь будет нас сближать, что впереди годы знакомства, а потом и тесной дружбы, что мы поедем вместе в деревню, и там, в сельском храме, я стану её крестницей. И последние дни её жизни буду рядом с ней.

Наши мечты о деревне удивительным образом совпали, мы были одержимы идеей жить в деревне с её нетронутой красотой, с её запахами: земли, леса, земляники, — с её жителями, прямо персонажами Шергина или Писахова (ведь это было сорок лет тому назад, в 1980-е, и русская речь в деревнях ещё сохраняла местные говоры).

Мои друзья-художники нашли место редкой красоты на границе Владимирской и Ивановской областей. На холме — белый храм с голубыми куполами. За хорошо сохранившейся каменной оградой с коваными воротами — зимняя и летняя церкви, сторожка. Обе церкви — действующие, никогда не закрывались: местные жители отстояли. Помогло то, что места здесь глухие. В ограде небольшое кладбище, сосны, сирень. За оградой вдали — заповедный дремучий лес, а перед ним — болото с озёрками, и чайки, чайки... Кому рассказать, с кем поделиться? Конечно с Наташей. Я уже знала к тому

Наталья Касаткина со своим другом детства Александром Штромом.
Погост Старый Никола. Кон. 1990-х

Наташа, какой я её знала и любила

времени, что Наташа — духовная дочь о. Всеволода Шпиллера (она приняла крещение в начале 1950-х), а после смерти своей мамы стала ещё ближе его семье. Наташа дружила с Ириной Васильев-ной Ватагиной и начинала в её группе работать реставратором. Познакомила меня и с другими замечательными своими друзьями: сёстрами Таней и Машей Городскими. Таня работала на восстановлении монастыря в Шамордино как архитектор. Одни только её чертежи — произведение искусства. Маша прекрасный иконописец, реставратор. Забегая вперёд, хочу сказать, что эти удивительные люди всегда были душевно и духовно связаны с Наташей. В последние годы помогли особенно, хоть и не могли приехать.

Мы с Наташей не без труда и приключений купили дома в начале 1980-х. Оказались они в разных областях: Владимирской и Ивановской (мой дом — в деревне Филяндино, Наташин — в Ивишенье), но в километре один от другого. Пройти надо было по берёзовой аллее через большое поле-пастбище. Эти старые, посаженные давно берёзы не давали зимой сбиться с дороги.

Так начались тридцать лет жизни Наташи в деревне. Исполнилась её вторая мечта. Многие её отговаривали: далеко! А она в эти места влюбилась.

Но приходилось часто ездить в Москву: работа с учениками-заочниками в ЗНУИ, любимая работа в Даниловом монастыре с группой реставраторов над иконостасом в храме Семи Вселенских Соборов. А ещё кошки, которые не захотели залезать в коробки, чтобы ехать из Москвы в машине неизвестно куда. Надо было на птичий рынок успеть с постоянно рождающимися котятами, в ломбарде отстоять очередь — с деньгами всегда туго.

От автобуса до деревни — 5 км пешком. Идти приходилось с рюкзаком, полным вещей и продуктов (ведь еду везли из Москвы). Не в моде были тогда такси, да и денег не хватало на это. Зато её ждал любимый домик. Дом стоял у леса. Выйдет с крыльца — грибы, ягоды земляники, заросли малины. Запомнилась мне Наташа в то время особенно счастливой. Надо сказать, что у Наташи всегда, где был клочок земли, обязательно появлялись огород и цветы — такая была любовь к земле. Даже в Москве в Матвеевском в овраге были какие-то грядки. «Земля мне даёт силу», — говорила она.

Перевезла Наташа в этот дом всё самое дорогое своему сердцу: пластинки с любимой классикой, книги, иконы, посуду. Помню старинные эмалированные тарелки с тонким сложным геометрическим орнаментом. Было в доме очень уютно. Наташа ещё продолжала заниматься в деревне живописью.

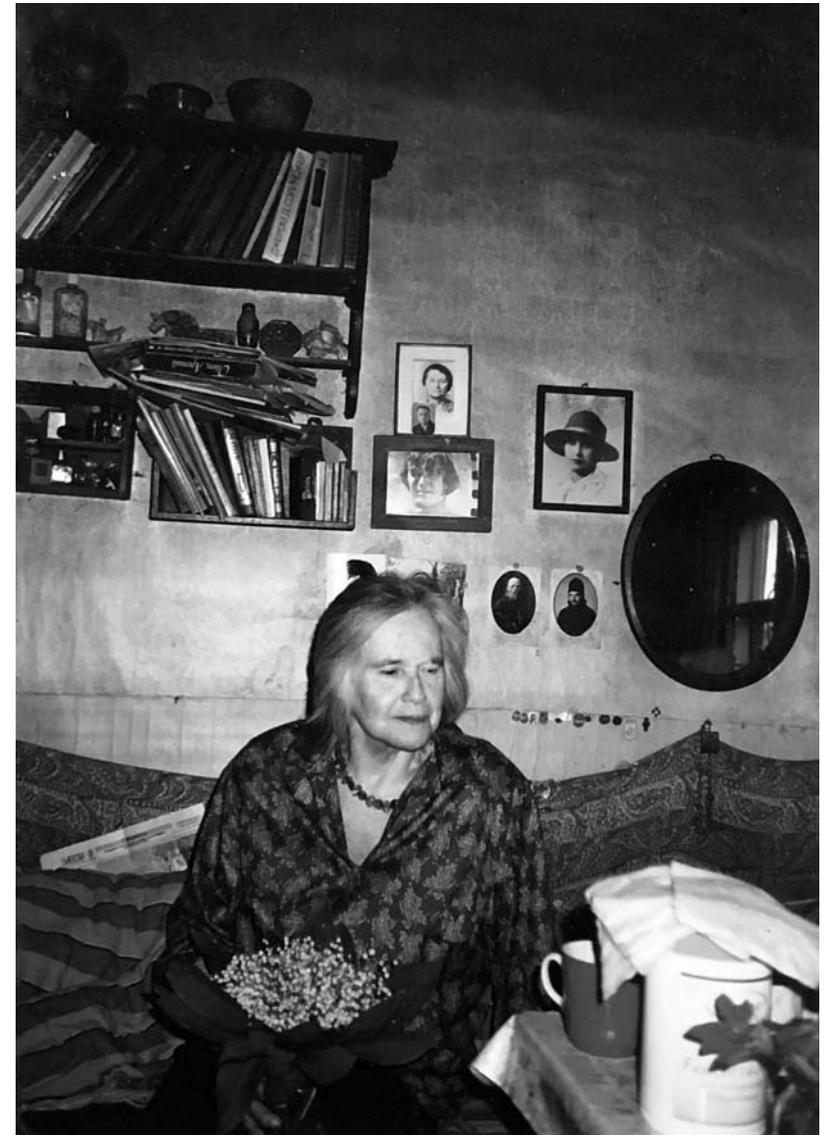
Всё бы хорошо — не жизнь, а идиллия. Но прожила Наташа в этой деревне всего четыре года. Приехав однажды из Москвы к вечеру в холодный дом, — а был декабрь — она решила хорошо натопить печь. Случился пожар. Сгорело всё. Об этой печальной истории есть у неё рассказ.

Но и после пожара Наташа не отказалась от своей мечты. Получила деньги по страховке и нашла другой дом. Место с древней историей, Погост Старый Никола: кладбище и меньше десятка домов. Наташиному дому, смотрящему окнами на кладбище, более ста лет. Наташа вместе с другими жителями деревни активно принялась за восстановление храма. Он давно был закрыт, разрушен и разграблен.

Наташа полностью погрузилась в деревенскую жизнь: дом, огород, а главное — церковь. Началась новая глава её жизни. Открылись новые возможности для её одарённой натуры. Пригодились её навыки в реставрации икон. Жители несли их для церкви. Писала и новые иконы к праздникам. И по реставрации было очень много работы. Сделала ростовую фигуру Ильи Пророка на стене. Задумала и начала многофигурную фреску «О Тебе радуется». Она писала в письмах, как трудно и интересно готовить огромную стену с кривой поверхностью. Сколько смелости, решительности и таланта проявилось в этой совершенно новой для неё работе. С благодарностью говорила Наташа о том, как Настоятель храма о. Владимир и прихожане с доверием отнеслись к её замыслу и способности выполнить такую работу — ведь им пришлось терпеть неудобства, в храме стало теснее из-за лесов. И это не на один год.

Настоятель церкви, услышав её пение, назначил её регентом хора. Наташа обладала волей и твёрдостью, необходимыми качествами для регента.

Жизнь была до краёв наполнена работой, а тут новая беда — пришло известие из Москвы: разграбили квартиру. Многое унесли, а что не смогли унести, испортили. К счастью, уцелела часть работ,

Наталья Касаткина с букетом ландышей, собранных Ирмой Филипповой. (На стене сверху висят портреты родителей в одной рамке, ниже — фото Леонида Енгибарова, правее — портрет мамы в шляпе, овалы — отец и сын, Алексей и Сергей Мечёвы, настоятели храма Николая Чудотворца в Клённиках.) Погост Старый Никола. 2006. Фото Ирмы Филипповой

Погост Старый Никола. Слева — дом Н. Касаткиной, справа, за деревьями — Никольская церковь, ещё правее — колокольня Казанской церкви. 2000-е

которые переехали потом в деревню, а оттуда опять в Москву, на персональную выставку, но уже посмертную.

Разорённая квартира в Москве перестала быть для неё домом — надо продавать. Не просто продать и купить взамен что-то поменьше. Нет, решила выписаться из Москвы. «Не хочу раздваиваться!» — был её аргумент. Её дом, место её прописки теперь — далёкая деревня. Там теперь происходит всё самое важное для неё.

Но не успела Наташа уехать из Москвы, как у неё украли почти половину денег, полученных за квартиру. Звонит мне утром очень взволнованная, говорит, что обокрали, что хорошо, что не убили, что остались одни бумажки! Какие бумажки? Оказывается, она приготовила эти деньги, чтобы кому-то помочь, кому-то подарить и написала, кому и сколько. Вот эти бумажки и остались...

В октябре 2002 года Наташа упала: спеша на службу, зацепилась за порог. Сломала шейку бедра. Первое время жила надеждой вернуться к прежней жизни. Ведь за стенами дома осталось всё, чем она жила эти годы. Но вернуться к прежней жизни не получилось. Постоянно помогали Наташе соцработник и патронажная медсе-

Наташа, какой я её знала и любила

стра. Медсестра такая, которую и не найти нигде, — молодая женщина, приветливая и отзывчивая, редкий профессионал. А я только помогала и имела счастье быть рядом.

При любых обстоятельствах Наташа никогда не сдавалась. Вот и теперь, с серьёзным переломом она начала писать свои рассказы и воспоминания, о которых моя подруга Татьяна Ходорович сказала так: «Особая мелодия текста предполагает остановиться и вздохнуть». При этом непрекращающаяся боль, сердечные приступы, удушье. Частые вызовы скорой помощи, кислородные подушки, ингаляторы. Разлука навсегда с церковными службами, с хором, с фреской, реставрацией, с любимыми прогулками... Но остались любимые книги. Любимые кошки и собаки. Их Наташа называла своей семьёй.

Находясь подолгу с Наташей в эти годы, я восхищалась её замечательным жизнелюбием. Как-то приехала в Москву, обступили меня её подруги. С сочувствием в голосе спрашивают: «Как там Наташенька?» Рассказываю: «Прядь волос из-под платка, и поёт пиратские песни!» Кто-то пошутил, что Наташа всегда в восторге от любой ситуации, в которую она попадает.

Вспоминается ещё, как одни знакомые, мама с дочкой, пришли навестить Наташу. Наверное, мать предупредила, что идут они к хорошей, но очень больной женщине. А девочка, уходя, сказала, что Наталья Александровна самый весёлый человек здесь.

Не помню её сетующей на злосчастную судьбу. Девять с половиной лет не выходила из комнаты, но оставалась всегда приветливой, старалась шутить. Часто пела или просто напевала, пока ещё были силы.

«Ты едешь в деревню, чтобы общаться с красивым человеком», — сказала мне Таня Ходорович, когда я привезла ей во Францию первую тетрадку Наташиных рассказов.

Ирма Филиппова